

**Имя собственное и проблемы
языковой идентичности
миноритарного этноса**
***Proper names and the problem of language identity
among ethnic minorities***

Михайлова Т. А.

Mikhailova T. A.

В статье рассматривается проблема смены личного имени или его фонетической аккомодации в ходе длительного языкового контакта и с установкой на таргет-язык. Основным материалом исследования является преферентный ономастикон Галлии эпохи Поздней империи в динамике его развития. В работе также делается попытка выявления типологической близости указанной контактной ситуации с социо-лингвистическим развитием Ирландии начиная с XIV в. до настоящего времени. Делается вывод, что для Ирландии этническая и языковая идентичности не равны идентичности национальной, однако языковой фактор играет в маркировке последней важную роль. При несбалансированном двуязычии в ряде случаев факт самоопределения респондента как принадлежащего именно к ирландцам как этносу (но не нации) может проявляться именно в выборе им варианта имени собственного (ирландского vs. английского).

Ключевые слова: двуязычие, смена языка, языковая смерть, национальная идентичность, имя собственное, Галлия, Поздняя империя, англо-ирландское двуязычие, бикультурализм, ономастические дублеты

The article examines changes in proper names, including phonetic accommodation, caused by long-term language contact and adaptation to a target-language. The primary source material for this study is the developing list of personal names preferred in Gaul during the Late

Roman Period. The article also investigates typological parallels with socio-linguistic developments in Ireland beginning with the 14th c. C.E. Although in Ireland ethnic and linguistic identity was not equivalent to national identity, language use did play an important role in marking the latter. In cases of unbalanced bilingualism, the choice of proper name could be the only marker of a person's national self-identification.

Key words: bilingualism, language shift, language death, national identity, personal names, Gaul, Late Roman Empire, Ireland, Anglo-Irish bilingualism, bi-culturalism, onomastic doublets

DOI 10.37892/2313-5816-2021-1-339-350

Вступление

Данное небольшое исследование представляет собой не столько предложенное решение, сколько предположительную постановку проблемы, а точнее — попытку выявить закономерность и очередность смены имен собственных в процессе многоэтапной «языковой смерти», сопровождающей, как правило, утрату национальной и культурной идентичности у этнической группы, оказавшейся в ситуации длительного контакта с другим этносом. Основным материалом, на который мы в данном случае опираемся, представляет собой фрагменты из внешней истории кельтских языков: галльского и ирландского (которые неожиданным образом реализуют типологически близкие модели утраты языка). Интересным представляется привлечение языковых данных других этнических групп, которые также оказывались в ситуации длительного контакта, реализуемого на уровне языка и культуры, но при этом могли занять позицию как бы доминирующей или не подавляемой эксплицитно группы и тем не менее добровольно отказывались от своей национальной идентичности (например — скандинавы «эпохи викингов», а также ряд этнодисперсных групп и проч.).

Говоря о «смене имени», я в данном случае имею в виду два параллельных феномена, которые со всей очевидностью

связаны между собой. Во-первых, это смена ономастических предпочтений у этноса, в котором возникает эффект стигматизации (о термине см. [Sasse 1992]) собственных этнических маркеров. Вторым феноменом можно назвать параллельную аккомодацию имени собственного к культурной традиции «таргет-языка», проходящую как на уровне чисто фонетических изменений, так и в рамках естественного (а иногда и искусственного) подбора как реальных (например, в рамках христианской культуры), так отчасти и искусственных эквивалентов.

1. Галлия эпохи Поздней империи

Дошедший до нас галльский ономастический материал достаточно богат и обширен для выявления как моделей, по которым строились имена собственные, так и самих основ, апеллятивных изначально, затем составивших инструментарий для восстановления лексикона этого, фрагментарно засвидетельствованного в целом языка (см. [Ellis Evans 1967; Delamarre 2007; Raybould & Sims-Williams 2007]). Однако в ряде случаев этимологическая близость, усугубленная морфологической аккомодацией, не позволяет с абсолютной точностью говорить о том, к латинскому или галльскому ономастикону следует отнести то или иное имя. Так, в абсолютном большинстве случаев галльские имена в номинативе приобретают латинскую флексию *-us* (в женских именах *-a*), а также в ряде случаев — латинский суффикс. Таким образом, например, как пишет Эллис Эванс, «затруднительно с точностью определить, к латинскому или галльскому языку относятся такие имена как *Cara* и *Carus*» [Ellis Evans 1967: 162]. К этому можно добавить множество суффиксальных диминутивных образований (*Caratussus*, *Carillus*, *Carulla* etc.), но также глагольные производные (*Carantius* etc.), отсылающие скорее к языку галльскому (поскольку в латинском основа *car-* ‘милый, дорогой’ вербальной природы не имеет).

Галло-римские контакты вызывали также эффект «псевдо-латинизации» имени, при котором изначально галльский элемент начинал реинтерпретироваться как латинский, причем уже с совсем иной семантикой. Например, обильно представленные галльские имена с первым элементом *matu-* ‘медведь; добрый, хороший’ в поздних надписях получает предположительную семантику «утренний» (например, в надписи CIL XIII 6017 — DEO MEDRU MATUTINA COBNERTI (см. подробнее [Михайлова 2017: 148–157]). Ср. аналогичное наблюдение Кс. Деламара: имя *Auctomagus*, которое выглядит как смешанное латино-галльское (‘прибыль великий’?), он предлагает рассматривать как искаженное исконно галльское *Ougtu-magos* ‘холодом великий’ [Delamarre 2017: 34].

В истории изучения галльского ономастикона в его диахроническом аспекте подобные имена получили название “Decknamen” ‘покрытые’, см. [Raepsaet-Charlier 2012]). Интересно, что предположительно с аналогичным эффектом мы имеем дело и при анализе трансформации скандинавских имен «варягов», связывающих свое будущее с «Русью». Так, например, обилие имен князей с именами, содержащими элемент *-слав*, как писали А. Ф. Литвина и Ф. Б. Успенский [2003], было скорее всего вызвано тем, что так реинтерпретировался распространенный в скандинавских именах знати элемент *-leifr* ‘некто, оставшийся после предка, потомок, наследник’. Имя Ярослав, видимо, в оригинале предположительно означало ‘потомок орла’ (**arnu-leifr*), либо ‘потомок меча’ (**heru-leifr*). Но интересно в данном случае то, что сам факт добровольной смены имени (в данном случае при подборе имени сына, поскольку, как я понимаю, сын Владимира и Рогнеды, Ярослав, будущий великий князь Киевский, родился в 978 г. уже в славянском окружении) оказывается непосредственно связанным с установками на личную карьерную перспективу носителя. Иными словами, искаженная форма имени, как правило, свидетельствует о соответствующем бэкграунде, воспринимаемом как перспективный фон. При этом не следует

забывать и о том, что именно при Владимире произошло Крещение Руси. Сам он, имея типичное Deckname (Valdemar), был крещен именем Василий, лишь отдаленно созвучным с его собственным. Но в дальнейшем уже его изначальное имя стало прецедентным для последующей ономастической практики на Руси. Дохристианские правители из Скандинавии, как правило, в русских источниках (!) носили имена, созвучные оригинальным (*Ингвар* — *Игорь* и проч.). Их собственные установки и система именований в их ближайшем окружении особая — и непростая — проблема.

Другой чертой романизации галльского имени является трансформация его полной патронимической модели. Так, вместо традиционного галльского генитива (либо использования суфф. *-ako-*) начинает использоваться латинское *filius (filia)*. Например: Setubogius Essuggi filius [Raybould & Sims-Williams 2007: 26] — «Сетубог сын Эссуга», что также, естественно, является шагом к аккомодации имени к «таргет-культуре».

Следующим этапом, наверное, можно назвать устойчивую смену ономастических этнических предпочтений в обществе в целом. Переход от фрагментарного и ограниченного употребления греческого письма в сочетании с установкой на заучивание не только космогонических мифов, но и генеалогий, то есть имен предков, к широкому употреблению латинского алфавита для галльской культуры был своего рода революцией, а точнее началом агонии. Как справедливо пишут Адамс и Сван в предисловии к сборнику трудов, посвященному проблеме национальной идентичности и двуязычия в античном мире, «принятие нового алфавита обычно является первым шагом к смене языка, за которым следует смена имен» [Adams and Swain 2010: 7].

Как можно предположить, для романизованных галлов смена ономастических предпочтений была спонтанной и добровольной, превратившись в своего рода «моду», имеющую в качестве установки: смену национальной идентичности и языка. Что, как мы понимаем, и имело место, несмотря

на падение Империи и, казалось бы, автоматическое «освобождение» завоеванных Римом территорий. Однако процесс романизации зашел уже слишком далеко и оказался необратимым. Существует, например, известное свидетельство св. Иеронима о сходстве языка треверов, живших на территории современной северо-западной Германии (г. Трир), и галатов, сохранившееся в его комментариях к «Посланию к галатам»:

unum est, quod inferrimus et promissum in exordio reddimus. Galatas exopto sermone Graeco, quo omnis oriens loquitur, propriam linguam eadem paene habere quam Treveris. — Одно есть, что мы отмечаем и в дальнейшем должны учитывать, галаты понимают греческую речь, на которой говорят все на востоке, но речь их самих такая же, как и треверов. [Collis 2010: 25]

Но Иероним отмечает это скорее с удивлением, потому что, видимо, уже в его время галльские диалекты почти всюду были вытеснены народной латынью. Интересные наблюдения над сменой ономастических предпочтений, сопровождавшей этот процесс, были сделаны К. Штюбер, собравшей целую коллекцию из имен типа *Silvanus Latumari*, *Fronto Ateponis*, *Desideratus Curmilii* и пр. (см. [Stüber 2007: 89])¹.

Итак, создается странное впечатление, что, несмотря на постоянное сопротивление (точнее — противостояние) галлов и бриттов Риму как государственной машине, параллельно

¹ Приведенные в работе Кс. Деламара случаи «тройной замены», при которой в латинских надгробных надписях встречаются имена с латинским *gentilice nomen* и галльским *cognomen* кажутся маловероятными (не случайно в статье не дано ни одного реального пример, см. [Delamarre 2017: 22]). Дело в том, что на именование при помощи так наз. *tria nomina* имели право только римские граждане, что для уроженцев Галлии представлялось как почетная и мало доступная привилегия.

шел процесс все углубляющейся добровольной культурной адаптации той же римской культуры, а значит и языка (см. об этом, например в [Duval 1952: 48–53; Шкунаев 1985]). Но, наверное, не стоит этому так уж удивляться: вспомним готов, которые, завоевав отдельные области бывшей империи, затем просто как нация растворились в болоте романской культуры.

II. Ирландия: имя в контексте миноритаризации языка

Что же было в Ирландии, в которой мы также можем в общих чертах реконструировать типологически сходную ситуацию постепенной утраты этнической идентичности при относительном сохранении идентичности национальной? Несмотря на некоторое сходство историко-культурных схем адаптации, Галлия I–IV вв. н. э. и Ирландия, соответственно, первых веков после начала «англизации» (XIII–XVI) в том, что касается нашей темы, то есть ономастикона, представляли собой ситуации скорее различные. Дело в том, что ирландцы и англичане были близки конфессионально, что выражалось в частности в том, что в списке преферентных имен, наряду с исконными (гойдельскими и германскими) именами у них фигурировали одни и те же имена, в основном — библейского происхождения. Однако, естественно, они подверглись с течением времени разной фонетической трансформации, что иногда делало их исконную тождественность уже неопознаваемой. Но чаще опознаваемой, что в условиях билингвизма привело как бы к установлению и системы взаимозаменяемых личных имен. Так, например, имя Máirgrét > Máirghréd /ma'ed/ представляет собой ирландизированную форму имени Маргарита (англ. Margaret), причем от него же затем, по аналогии с англ. сокращенной формой Meg, было образовано ирландское имя — Réig. Конечно, в основном случаи были более простыми: Martán ~ Martín, Máire ~ Mary и так далее (см. примеры также в: [Ó Corráin, Maguire 1990]).

В первые триста лет пребывания в Ирландии все более расширяющие свои границы и зоны политического и экономического влияния переселенцы из Англии, в отличие от римлян, не имели в качестве доминантной установки насильственную смену этнокультурной идентичности страны. И это в общем можно понять, если мы вспомним, что так называемые «англичане» на самом деле были потомками викингов, прошедшими через норманнское жерло, превратившее Хрольфа в Ролло и так далее. Их официальный французский был наносной пленкой псевдокультуры, поэтому столь охотно начали они принимать культуру и язык страны, которую как бы завоевывали (в общем, примерно то же было и на Руси).

Началом наступления на местную культуру принято считать XIV в., а точнее — 1366 г., когда были выпущены знаменитые «Килкеннийские статуты», запрещавшие браки с ирландками, бардические школы и многое другое, в частности — ирландские имена (см. [Bliss and Long 1987: 713]). Следует понимать, что «статуты» были направлены еще не собственно против ирландской знати и ирландской культуры, их главной целью было «уточнение национальной идентичности новых переселенцев» [Mac Giolla Chríost 2005: 75]. На этом этапе бывшие норманны, так и не ставшие англичанами, охотно принимали внешние знаки местной культуры, но и сами не менее охотно делились своими ценностями, в частности — именами. Огромное число имен, которые сейчас традиционно считаются ирландскими, были заимствованы именно в этот период относительной стабилизации. Например, Шила, Шейла — Síle, ирландская интерпретация имени Сесилия. И так далее.

Ситуация начала меняться примерно через сто лет, когда, согласно статутам, принятым в 1462 г. Эдуардом IV, не только выходцы из Англии, но и местная знать — все обязаны были изменить имена (и фамилии) на аналогичные «английские» [Green 1924: 134–136]. Так, в Ирландии появилось множество

Смитов, Фоксов или Браунов, носивших англазированные имена типа Деннис (оригинальное Donnchadh).

Собственно говоря, с этого момента можно говорить о начале противостояния и начале сосуществования «двух языков и двух наций». И если процесс англазации — причем иногда добровольной, но чаще насильственной — затрагивающий все более широкие слои населения, спускался «по социальной лестнице» сверху вниз, то противостоящее ему движение де-англазации (термин Дугласа Хайда) также начиналось среди образованных кругов Ирландии, осознавших свою этническую (а не только национальную) идентичность и двигалось в том же социальном направлении.

В конце XIX в. желающая порвать с «темной» крестьянской средой девушка меняла свое имя Шила не на Сесилию, а на Юлию или Дженни, а маленький мальчик из рыбацкой деревни, попав в школу, из Шемми превращался в Джеймса. Но в это же время в городах появлялись люди, намеренно менявшие свои английские имена на как бы псевдоирландские. Так, поэт и герой Пасхального восстания 1916 г. Патрик Пирс превратился в Pádraig Mac Piarais, а другой деятель национального возрождения, Дуглас Хайд, стал Dubhghlas de hÍde.

Сейчас в Ирландии, стране несбалансированного англо-ирландского двуязычия, установка на сохранность и маркированность этнической идентичности в ряде случаев может ограничиваться только использованием национального имени и фамилии. Человек зовет себя так, каким он хотел бы себя ощущать и представлять в глазах других.

Конечно, данный феномен далеко не ограничивается сложной историей миноритаризации кельтских языков. Данная тема, как я понимаю, оказывается универсальной и остается поразительно актуальной и в наше время.

Литература

Михайлова Т. А. *Ранняя кельтская эпиграфика как объект лингвистического и историко-культурного анализа*. Москва, 2017.

Шкунаев С. В. Культура Галлии и романизация // *Культура Древнего Рима*. Т. II. Отв. ред. Е. С. Голубцова. Москва, 1985, 258–302.

Adams J. N., Swain S. Introduction // *Bilingualism in Ancient Society: Language Contact and the Written Text*. Oxford, 2010, 1–23.

Bliss A., Long J. Literature in Norman-French and English to 1534 // A. Cosgrove (ed.) *New History of Ireland. II: Medieval Ireland, 1169–1534*. Oxford, 1987, 708–736.

Collis J. *The Celts. Origins, Myths, Inventions*. Gloucestershire, 2010.

Delamarre X. *Noms de personnes celtiques dans l'épigraphie classique*. Paris, 2007.

Delamarre X. *Les noms des gaulois*. Paris, 2017.

Duval P.-M. *La vie quotidienne en Gaule pendant la Paix Romaine*. Paris, 1952.

Ellis Evans D. *Gaulish Personal Names. A Study of some continental Celtic formations*. Oxford, 1967.

Green A.S. *The Making of Ireland and its Undoing. 1200–1600*. London, 1924.

Mac Giolla Chríost D. *The Irish Language in Ireland. From Goidel to globalization*. London, 2005.

Ó Corráin D., Maguire F. *Irish Names*. Dublin, 1990.

Raepsaet-Charlier M.-Th. 'Decknamen': Homophony, Assonance: an Appraisal of Consonance Phenomena in Onomastics of the Roman Empire // *Personal Names in the Western Roman World*. Ed. T. Meissner. Berlin, 2012, 11–24.

Raybould M. E., Sims-Williams P. *A Corpus of Latin Inscriptions of the Roman Empire containing Celtic Personal Names*. Aberystwyth, 2007.

Sasse H. J. Theory of Language Death // *Language Death: Factual and Theoretical Explorations with Special Reference to East Africa*. Ed. M. Brenzinger. Berlin, New York, 1992, 7–30.

Stüber K. Effects of Language Contact on Roman and Gaulish Personal Names // *The Celtic Languages in Contact. Papers from the Workshop within the Framework of the XIII International Congress of Celtic Studies*. Ed. H. L. C. Tristram. Potsdam, 2007, 81–92.

References

Adams J. N., Swain S. Introduction // *Bilingualism in Ancient Society: Language Contact and the Written Text*. Oxford, 2010, 1–23.

Bliss A., Long J. Literature in Norman-French and English to 1534 // A. Cosgrove (ed.) *New History of Ireland. II: Medieval Ireland, 1169–1534*. Oxford, 1987, 708–736.

Collis J. *The Celts. Origins, Myths, Inventions*. Gloucestershire, 2010.

Delamarre X. *Les noms des gaulois*. Paris, 2017.

Delamarre X. *Noms de personnes celtiques dans l'épigraphie classique*. Paris, 2007.

Duval P.-M. *La vie quotidienne en Gaule pendant la Paix Romaine*. Paris, 1952.

Ellis Evans D. *Gaulish Personal Names. A Study of some continental Celtic formations*. Oxford, 1967.

Green A.S. *The Making of Ireland and its Undoing. 1200–1600*. London, 1924.

Mac Giolla Chríost D. *The Irish Language in Ireland. From Goidel to globalization*. London, 2005.

Mikhailova T. A. *Rannyaya kel'tskaya epigrafika kak ob'ekt lingvisticheskogo i istoriko-kul'turnogo analiza*. Moskva, 2017. (In Russ.)

Ó Corráin D., Maguire F. *Irish Names*. Dublin, 1990.

Raepsaet-Charlier M.-Th. 'Decknamen': Homophony, Assonance: an Appraisal of Consonance Phenomena in Onomastics

of the Roman Empire // *Personal Names in the Western Roman World*. Ed. T. Meissner. Berlin, 2012, 11–24.

Raybould M. E., Sims-Williams P. A *Corpus of Latin Inscriptions of the Roman Empire containing Celtic Personal Names*. Aberystwyth, 2007.

Sasse H. J. Theory of Language Death // *Language Death: Factual and Theoretical Explorations with Special Reference to East Africa*. Ed. M. Brenzinger. Berlin, New York, 1992, 7–30.

Shkunaev S. V. Kul'tura Gallii i romanizatsiya // *Kul'tura Drevnego Rima*. Т. II. Otv. red. E. S. Golubtsova. Moskva, 1985, 258–302. (In Russ.)

Stüber K. Effects of Language Contact on Roman and Gaulish Personal Names // *The Celtic Languages in Contact. Papers from the Workshop within the Framework of the XIII International Congress of Celtic Studies*. Ed. H. L. C. Tristram. Potsdam, 2007, 81–92.

Михайлова Татьяна Андреевна
Институт языкознания РАН
Москва, Россия
Mikhailova Tatyana Andreevna
Institute of Linguistics, RAS
Moscow, Russia
tamih.msu@mail.ru